

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

НЕФТЯНАЯ
БОМБА

Спецназ. Группа Антитеррор

Александр Афанасьев

Нефтяная бомба

«ЭКСМО»

2014

Афанасьев А. Н.

Нефтяная бомба / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2014 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

Представим себе, что Ирак превращается в мировой центр торговли нефтью. В Багдад стягиваются представительства всех крупнейших нефтяных компаний, в том числе российских. Город, в котором крутятся триллионы долларов, буквально наводнили бандиты со всего света. На улицах каждый день совершаются убийства, гремят взрывы, устраиваются провокации. Бывший сотрудник ФСБ Искандер возглавляет службу безопасности одной из российских нефтяных компаний. Он прекрасно справляется со своими обязанностями, и граждане РФ по праву чувствуют себя самыми защищенными в Багдаде. Но однажды идеальную систему охраны, разработанную Искандером, взламывает международный террорист Аль-Малик. И на россиян начинается охота...

Содержание

Багдад, Ирак	6
Международный аэропорт Багдада	24
Багдад. Русский дом	30
Ирак. Озеро Тартар	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Афанасьев

Нефтяная бомба

© Афанасьев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Багдад, Ирак

Центральный вокзал

14 мая

– Сань, а Сань...

Да что же это такое...

– Саня!

Это уже слишком. В ответ на невежливый толчок в бок я, не открывая глаз, провожу ответный удар. И попадаю – по локтю. Болезненное место, нечего сказать. Даже для такого битюга здорового, как Вован. Ментовка хренова...

– Чо?

– Через плечо! Хватит дрыхнуть, подъезжаем!

– Да пошел ты...

Черт... Вован, кажется, обиделся. Он вообще не слишком-то обидчивый – бывший полицейский, ОМОН из Москвы. Битый, оплеванный, познавший народный гнев в полной мере – после выборов такое творилось, что мама не горюй, в общем. Сюда и сбежал. Но отходит быстро. Человек он простой...

Смотрю на часы. И в самом деле, пора. Я просто ночь почти не спал – оттого злой. Но так-то я добрый. Когда сплю. А если не выспался...

Пока продираемся по пробкам Насер-стрит. Наверное, надо представиться, раз уж мы разговариваем. Зовут меня Саня, Александр то есть, а фамилия... Ну, Иванов, скажем. Или Петров. Или Сидоров. Во всяком случае, не Рабинович, это точно. Сионист Пидоров, блин. В общем – выбирайте на свой вкус. В Багдаде я уже третий год, по длительному контракту. Продлюсь, наверное. Тем более что выбора у меня особого и нет – как командование порекомендует, так и надо делать. Приказов у нас нет, есть рекомендации, но соблюдаются они почище приказов. К тому же я давно уже вне официальной системы – забил на все большой и толстый, написал рапорт. Здесь я вроде советника. Числюсь при службе безопасности «Роснефти», это официально, там же официалку получаю. По меркам России прилично, по меркам наемников пятнадцатилетней давности, которые по две штуки грина в день заколачивали, – смех сквозь слезы. Но у меня еще жалованье от местного Министерства нефти, где я числюсь охранником и обеспечиваю безопасности нефтедобычи. Ну, и потихоньку банчим тут...

В машине нас четверо. Национальный состав крайне пестрый, религиозный тоже будь здоров. Ваш покорный слуга – русский, родом из дальнего Подмосковья, но с примесью польской крови – по отцу. Православный христианин, не слишком верующий, но когда война, неверующих нет. Вован, точнее – Вован Вованыч. Его и в самом деле так звать, но он обижается, поэтому – Вован. Без излишних ассоциаций с политическим привкусом. Серьезный парень, силовик, с армейской подготовкой, в то время как я – аналитик, увлекающийся IPSC¹. В девятнадцать лет брал дворец Дудаева. Срочку оттарабанил в ОДОН, для непосвященных – дивизия Дзержинского. Потом по командировкам помотался. Теперь за ум взялся – под сороковник, а ни кола ни двора. Точнее, кол-то есть – двушка в не самом лучшем районе Солнцево для семьи с двумя детьми... Вот завербовался сюда, второй год уже. Приставлен ко мне вроде как в качестве силового прикрытия, тем более что на ответственные реализации я лично выхожу. Местным пока мало что можно доверять, напортачат. Простые слишком. И американцы простые. Научить некому было.

---

¹ Международная конфедерация практической стрельбы.

Спереди, на переднем пассажирском, сидит Рышард – мы его Рич зовем. Опыта – дай бог каждому: он в Форте Брэгг тренировался, с отрядом Дельта, а потом в тактической группе Белый Орел три командировки оттарабанил. Вернулся – нервы ни к черту, здоровье тоже. Сразу, как вернулись польские жолнеры на Родину, их буквально травить стали, какие-то расследования начались... Впрочем, поляки всегда с прибабахом были на эту тему. Вляпался в неприятную историю, ему сослуживцы успели сообщить, что надо сматывать удочки. Подался в наемники, так оказался в Ираке, специалистом по личной охране. Здесь тоже влип в историю, но выпутался – договорился с местными мухоморами. Теперь он вроде как местную орду тренирует...

За рулем Али. Наш водила, доставала всего на свете. Он же добывает нехитрую информацию о настроении улицы. Машина – таксишка, довольно новая – его, и лицензия у него есть. И то и другое получено по моему совету, он притащил откуда-то из провинции дальнего родственника. Машина числится как оперативная, когда она не нужна – на ней работает этот родственник, сильно на Али похожий. Машина в городе примелькавшаяся. Хотя Багдад – город большой, но все, кому что-то нужно знать, – те знают. Он мусульманин, шиит, за это у него отцу голову отрезали. Поклялся мстить.

Мы в самом центре Багдада. Новой нефтяной столицы скорее всего. Сауды все изворачиваются, врут про запасы, но добыча падает и падает. А у иракцев – пятнадцать лет добычи не было никакой, блокада, да и разведки как таковой тоже давным-давно не было. Так что нефти тут надолго хватит. Как и работы нам...

Центральный вокзал Багдада. Здесь парковаться нельзя, но рядом – Северный автовокзал, где и припаркуемся. На Дамаскус уже не проехать – такое столпотворение машин. В отличие от многих других стран Востока, диктатор Саддам организовал приличное железнодорожное сообщение – по всей стране проложены рельсы. Ну и сейчас работы ведутся. В той же Саудовской Аравии железных дорог нет. Сам вокзал похож на среднеазиатский храм, благодаря массивному куполу лазурно-голубого цвета. Но построен он по советскому проекту: буквой П с колоннами на входе. Справа от вокзала – памятник в виде паровоза, старого. Наш паровоз тело Ленина привез, а этот чего привез – не могу знать. В раскаленном воздухе – а жара для выходца из средней полосы России дикая – вяло трепыхаются флажки на флажстоках. Приметы нового времени – ти-уоллсы, это готовые бетонные заграждения, буквой Т, мне примерно по пояс, и автоматчики-красноберетчики. Кого пускают так, а кого за денежку малую. Впрочем, обычная проблема.

– Извините, рафик Алекс, дальше не проеду... – извиняющимся тоном говорит Али. – Совсем места нет...

Места и в самом деле нет – перед площадью все забито. У таксистов подпольный профсоюз. Кто полезет не на свое место – избыют, машину угонят или подожгут. По жаре пробираться не хочется, но делать нечего...

– О'кей, паркуйся...

Али втискивает машину на импровизированную стоянку, кажется, кого-то задев.

Встали...

– Готовы? – спрашиваю.

Невнятное сопение Вована, сдавленное «Пся крев» Рича – у него сегодня особая миссия. Нам надо пронести на вокзал оружие, и кроме того – сделать что-то, чтобы смахивать на отъезжающих. А трое мужиков – не дело. Хотя бы одна женщина должна быть. Поэтому мы вдвоем с Вованом и решили, что Джамилей будет у нас Рич. Мне как-то не по чину, я все-таки старший офицер группы, из Вована... Ну, скажем так, даже если Вован наденет никаб – это правильное название того, что мы называем «паранджа», посмотрев «Белое солнце пустыни», – в общем, все равно это будет подозрительно. Так что двумя голосами против одного мы одержали пред-

варительную, но очень важную победу. Никаб у нас глухой, так что наша Джамиля получается замужняя, соблюдающая традиции мусульманка. На вокзале она будет стоять молча и караулить чемоданы. В чемоданах ни мало ни много – два автомата и разобранная снайперская винтовка. Иначе их не пронести...

Выходим из машины. Я показываю Вовану – достаем чемоданы и идешь за нами третьим. Вроде как телохранитель.

– Сделай лицо попроще, – шепчу я ему по-русски.

Пробираемся мимо машин – такси и прочих. Они припаркованы вне зоны безопасности, отделенной ти-уоллсами, дабы не допустить, чтобы заминированную машину поставили у самого вокзала. Если здесь припаркуют – тоже легко не отделаемся, но на то и мы здесь, чтобы не было такого. На автовокзале народ штурмует автобусы – основное средство междугородного сообщения здесь. Рядом с автостоянкой шебуршит местный люд – и взрослые и пацаны. Таксисты, которых в городе все еще слишком много, ищут себе пассажиров. Пацаны продают все что угодно – от лепешки с мясом до свежей девочки без сифилиса. Могут и карман обчистить, только потеряй бдительность. Я иду неторопливо, смотрю по сторонам. Сзади безмолвно скользит Джамиля, и, тяжело сопя от жары, таща чемоданы, топает Вован...

На полпути достаю телефон, делаю прозвон. Ловит плохо, но ловит. А вот в самом вокзале ловить ни хрена не будет, работает всеволновое подавление, чтобы не было радиоуправляемого подрыва. В Багдаде таких мест немало, именно поэтому все больше и больше на улицах старомодных телефонных кабин, питающихся местными медяками. Ростелеком ставит – нашли какой-то завод в глубинке России, они еще линию по производству старых добрых общественных телефонов не успели в металлолом сдать. Теперь завод работает на полную мощность по «связанному контракту» – нефть в обмен на товары. И что удивительно – местные на телефонах всякую ерунду, как и у нас, пишат, а вот трубки – не отрывают. Вот и думай, кто цивилизованнее...

Немного притормаживаем. Жарко все-таки, как ни крути. И это мне жарко, а что там Джамиля в глухом черном никабе чувствует – я не представляю...

Навстречу мне, от вокзала, продвигается вальяжный араб лет пятидесяти с седой бородой «на грани» – то есть такой длины, чтобы захватить рукой, красиво, в парикмахерской, постриженной, а не торчащей во все стороны, как у персонажа произведений Дж. Р.Р. Толкиена. Это Салим, один из местных авторитетов, ему тут кормежка на вокзале принадлежит. Конкурентов задержали и объяснили, что торговать на вокзале не следует. Еще он шиит, так что ему можно доверять...

– Салам алейкум, рафик!

– Салам алейкум, эфенди Салим...

Несмотря на то что мы, несомненно, выше их – ко всем надо обращаться с уважением. Здесь и так слишком много врагов, чтобы плодить себе новых. А завести себе врага тут проще простого – например, не зная человека, насколько он соблюдающий, лучше не интересоваться его женой. Вообще даже не спрашивать, как она. Детьми – можно.

– Как дела, как здоровье, как дети?

– Хвала Аллаху, рафик Искандер, все хорошо. Торговля идет потихонечку, покушать хватает...

Салим, несмотря на арабское имя, имеет в своих жилах большую толику армянской крови. А рафик Искандер – это мой оперативный псевдоним. Имя, кстати, у меня уважаемое, не раз арабы говорили. Необычное здесь – но уважаемое. Как у Александра Македонского.

– Есть кто-то?

– Двое вертятся в зале...

– С оружием?

– Если только легким. Нет клади.

Вокзал охраняется со всех сторон, но люди с оружием в зале вполне могут быть. Мы же собираемся пронести...

– Заснял?

– Да.

Салим дает мне свой мобильный, через блютус я скачиваю к себе снимки и тут же по электронной почте посылаю их на телефоны Вована и Рича, то есть Джамили. Когда будет возможность – посмотрят. В ларьках Салима стоит скрытая система наблюдения, чтобы не воровали товар, веб-камеры. Однако через шнур их можно подключить к мобиле и скачать нужную инфу, а сложная компьютерная система распознавания лиц автоматически создает нечто вроде установочных фотопортретов и предупреждает об опасности, сравнивая полученные изображения с фото из списков особой опасности.

– Рахмат, друг.

– Да не за что, рафик, всегда рад...

Если кто это и видел – особых выводов не сделает.

– Который? – задаю я последний вопрос.

– Вон там. У статуи сидит...

Ага, ясно. Это-то мне и нужно.

– Рахмат, друг. Дай тебе Аллах здоровья...

Оставив Джамилю на попечение Вована у сохранившегося фонаря уличного освещения, который, кажется, даже светить может, я пробираюсь в направлении, указанном мной Салимом, стараясь не попасть под отъезжающую машину и не лишиться в толчее денег и оружия. Там стоит постамент, раньше статуя Саддама была, а теперь пусто. Зато тут нищих полно, милостыню просят...

Выбрав нужного – он сидит отдельно, да еще и в черных очках, – протягиваю ему купюру в пятьсот новых динаров. Нищий старик принимает ее обеими руками – типично арабский жест, показывающий, что дар столь весом, что его можно удержать лишь таким образом.

– Да спасет вас Аллах, эфенди, да укажет он вам правильный путь... – Нищий понижает голос и добавляет: – Пост крайний справа, там пройдешь. Сколько вас?

– Трое. Жена и телохранитель.

Заплатил я вдвое больше обычного, но, наверное, жена и телохранитель сойдут и за полчеловека, так что все верно.

– И багаж.

Старик делает нетерпеливое движение рукой – пройдешь, мол.

– Аллах вам в помощь, уважаемый...

Мухоморы на пропускных пунктах на подступах к вокзалу шмонают отправляющихся на предмет оружия и взрывчатки – и то и другое в поездах и на вокзале находиться не должно. Красные береты – гордость воссозданных служб безопасности. Усатые молодцы, крепкие. Красные береты, точнее малиновые, как в старые времена в советских ВДВ – им не сразу дали голубые. Потому и мухоморы. Современное снаряжение, автоматические винтовки BREN 805. На крыше вокзала видны прикрывающие их снайперские пары – даже если террорист каким-то образом прорвется через оцепление, до здания он не добежит. Проблема в том, что кому надо – тот беспрепятственно проходит. Путем, описанным выше.

Мы покорно отстаиваем очередь – не слишком длинную, но на жаре это конкретная жесьть. Офицер проверяет мои документы, документы на супругу. Телохранитель сам подает карточку, выданную полицией. Лицо его бесстрастно, как у индейского вождя. Просит поставить багаж на столик, проводит вокруг него ручным сканером. Выключенным.

Аллах Акбар.

– Проходите. Счастливого пути...

Вот тут все так и идет...

Внутри архитектура вокзала чем-то напоминает московские аналоги с их высоченными потолками – наверное, наши строители строили, хотя и не знаю точно. Народу прилично, работают на всю мощь кондиционеры. Потому все и предпочитают ждать поезд здесь, с удобствами. Несколько униформированных постов мухоморов, и еще больше – скрытых, наблюдают за порядком и общей безопасностью. Вокзалы, как и аэропорты, – объекты повышенной опасности, прикрывают их серьезно...

Каждый из нас знает, что делать. Не раз здесь работали.

– Я в туалет...

Я убеждаюсь, что Джамиля остается рядом с чемоданами, и протискиваюсь к кассам, осматриваясь по сторонам.

Билетов конечно же нет. Но мне они и не нужны, мы не отъезжаем, мы – встречаем...

Чего же мы тут делаем. О'кей, расскажу. Хотя это и совсекретно, но, судя по табло со временем прибытия поезда через сорок одну минуту, секретность не будет иметь никакого значения.

Началось все с того, что год назад во время блестящей спецоперации в суннитском районе Багдада разгромили исламский комитет, ликвидировали военного амира Аль-Каиды в Ираке и прихватили кое-какую информацию. Сразу же после операции захвата, ради обеспечения секретности выполнявшейся русскими и потому ставшей для местных джихадистов полной неожиданностью, специальная полиция, отряды Мухабаррата, обрушились на город, реализуя «по горячему» полученную информацию. Так взяли еще человек триста – кого ни за что, кого за что, а кого – очень даже за что. Фильтры тогда два дня без передышку работали, устанавливая людей.

В числе прочих попался один упырек из идейных. Инфа на него была, хотя и староватая. Суннит по вероисповеданию, ребенком он воевал против американцев. Потом американцы ушли, сражаться стало не с кем – бедствовал, перебивался поденщиком. Потом не было ни гроша, да вдруг алтын. В Сирии началась гражданская война, иракских ваххабитов там полно было, особенно поначалу – он пошел туда, встал на джихад. Умудрился не погибнуть. Как вахов погромили, отступил в Иорданию, там были лагеря подготовки. В Иордании полно палестинских лагерей – а теперь подавай еще и ваххабитские. Потом король Абдалла Второй решил, что с него достаточно, и после нескольких инцидентов со стрельбой приказал вахам убираться. Упырек помотался по странам Магриба, был к чему-то причастен в Сирии. Потом вернулся на родину, зажил вроде честно и порядочно. Но при этом его имя оказалось в списках джамаата, которые удалось перехватить. А в Абу-Грейбе он встретил рафика Рашида, тогда еще старшего майора. И рафик Рашид сильно тому обрадовался, потому что он воевал в Сирии на стороне правительственных войск Асада и опознал того упырька. Его, естественно, сильно избили и бросили в Абу-Грейб, где начали требовать показания о том, как он Родину продавал. Для стимула периодически пытали утоплением – как американцы научили. Но урод был идейным и гордо молчал. А если что и говорил, так сплошную нецензурщину. Рафику Рашиду это надоело, и он попросил меня оказать практическую помощь службам безопасности. Потому что чуял – за этим скотом что-то есть – и отпускать не хотел.

Ну, приехали мы в Абу-Грейб, я присел напротив этого ваххабитского упырька и в полчаса объяснил ему политику партии и правительства. Что хорошо не будет, а будет очень хреново. Если он прямо сейчас не расколется – я его бить не буду. А тупо выпущу. После чего реализую ту оперативную инфу, которая у меня имеется, – оптом. И у местного ваххабитского подполья закономерно возникнет предположение, что их кто-то сдал. Кто? Догадитесь с первого раза. А нравы здесь суровые, за предательство могут всю семью вырезать.

Вариант второй – ты, родное сердце, пишешь мне чистосердечное признание обо всех совершенных тобой злодеяниях и расписку в том, что больше такого не будешь делать. При этом будешь своевременно информировать меня, если кто паче чаяния чего недоброго задумает. А чтобы убедительнее было – мы еще с тобой и постолуемся под водочку да на камеру. После чего я перевожу тебя на обычный строгий режим и допускаю к тебе родных, чтобы ты смог их попросить собрать деньги на взятку. Соберут они деньги – выйдешь на свободу с нечистой совестью. И с памятью о расписочке, мне в приступе раскаяния данной. Которую я, несомненно, пушу в ход, если ты, козлина, меня бортануть задумаешь. Ну, чего? Хоп?²

Упырек два дня играл в Зою Космодемьянскую на допросе, а потом бросил это дело и деятельно раскаялся. Написал на несколько страниц чистосердечное признание. Оказалось, что он, помимо Сирии, отметился в Тунисе, в Мали, в Ливии, а здесь был кем-то вроде спящего агента. Спящего весьма относительно – Аль-Каида вести агентурную работу умела очень хреново. Спящего агента надо вообще отключать от Сети, уничтожать почти всю инфу на него, а ему просто велели сидеть, не высываясь, но иногда использовали в качестве передаточного звена. На этом-то он и прокололся – хоть и курьер, а все равно в Абу-Грейб замели. Еще он слил немало инфы на тех, кого видел и знал по своим долгим скитаниям по пути Аллаха в самых разных странах. Получилась довольно толстая стопка листов, которую мы размножили, но не ввели в компьютер – американцы сильно наострились перехватывать компьютерные данные, а вот досье из картотеки не прочтешь со спутника никак. Дальше мы посидели с задержанным за столом, сфотографировались а тріос³ – если меня местные джихадисты еще не слишком знают, то рафик Рашид еще с сирийских времен приговорен к смерти исламской шурой. После чего я, как и обещал, устроил перевод задержанного на строгий режим, разрешил посещения и посоветовал, что если он хочет быть нам полезным, то после освобождения должен явиться к тому, кто амирор будет, и сказать, что хочешь отомстить за то, что тебя пытали в тюрьме. Кипит мой разум возмущенный и все такое. И, естественно, не забывать о нас и наших теплых и дружеских отношениях.

Упырек сделал все, как договорились: ему собрали денег на взятку, и он вышел на свободу. Новый амир, родом из Иордании, отказался направить упырька на переподготовку, но сказал, что дела ему найдутся и в Багдаде. На последовавшей вскоре после этого агентурной встрече я посоветовал ему то же, что и другим агентам. Не активничать, но внимательно прислушиваться к тому, что говорят. Качать инфу, не вступая в разговоры, тем более ничего не выпрашивая. А просто прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Если инфа известна одному тебе – сделай так, чтобы она была известна еще нескольким людям и подозрение не падало на тебя одного. И помни – при необходимости мы прикроем, арестуем, изыщем кого надо – просто сообщи вовремя. После этого он стал довольно ценным агентом, по его данным я только навскидку припоминаю шесть удачных реализаций.

И вот на днях упырек сообщил новость – на тайном совещании в Дохе, столице Катара, было принято решение активизировать подрывную работу в Ираке, причем именно с целью дискредитировать и сорвать сотрудничество России и арабских стран в создании пояса безопасности, отрывающего афгано-пакистанскую зону нестабильности от всего остального Востока. Шейхи скинулись на благое дело деньгами, сумма получилась солидная. В Дубае ее перекинули в ювелирное золото и ювелирные алмазы от одного до пяти карат, самые ходовые. Переводы по нынешним временам опасны, ювелирка – самое то, тем более что Дубай – один из мировых центров торговли золотом, а в Ираке золото быстро разойдется по ювелирам. Первый курьер должен был прибыть сегодня на железнодорожный вокзал Багдада, где мы его и встретим.

² Договорились, заметано (*ташкентский сленг, также распространен среди ветеранов Афгана*).

³ втроем (*фр.*).

И задержим? Боже упаси. За поездом – на железной дороге менее жесткий контроль, чем в аэропортах, – установлена двойная слежка: два оперативника в вагоне плюс непрерывно висящий над ним беспилотник. Задерживать мы курьера не будем – просто посмотрим на него, проконтролируем встречу и подстрахуем беспилотник. При одном только наблюдении с воздуха цель легко потерять в толпе. Если его встретят – мы не пропустим этого. Если нет – мы просто увидим курьера в лицо и запомним. Дело в том, что у нас до сих пор нет его нормальной фотографии, есть только словесное описание и цифровой портрет, на который можно полагаться только в крайнем случае. В том числе и поэтому здесь одновременно двое – я и Рич. Я – как оперативник. Рич – как представитель силовиков. Обязательно должен быть кто-то, кто видел объект в лицо...

Билетов нет, но иншалла, доедем.

Возвращаюсь к моей ненаглядной Джамиле. Она героически стоит и караулит чемоданы, ожидая вестей.

– Билетов нет.

Рич говорит что-то непонятное на арабском. На всякий случай замахиваюсь на него:

– Молчи, женщина!

Достаю телефон... Черт, блокировка. Все забываю. Не позвонить, три раза черт...

Смотрю на часы, и в этот момент из туалета типа сортир возвращается Вован Вованыч. Репа встревоженная.

– Что?

– Вахи там.

Мда...

– Вов, будь проще, а? Баба-яга в тылу врага прямо. Теперь докладывай по делу – что там за вахи.

– Не помню фамилию. Но один в один фоторобот, который у нас на входе висит. И еще один там с ним тусуется.

– Ага...

В моем смартфоне, который сейчас отключен, не только полная база разыскиваемых, но и минимальная программка, которая позволяет, щелкнув человечка на обычную, встроенную в смартфон камеру, создать математическую модель его внешности и провести грубый поиск по базе, дабы отсеять неподходящие варианты и сократить число возможных до нескольких десятков. Или даже до нескольких штук, если повезет. Вот только если Вован прав – щелкать себя они не позволят. Не та обстановка, так сказать. Да и в туалете пастись – совсем не дело, тем более перед встречей.

Так... Что делать?

– Вован, стой у вещей, как привязанный. Рич, сходи, купи что-нибудь. Только не спались. Смотри по сторонам...

Черт... Нервы, нервы. Успокоиться. Сам, поди, тоже, как баба-яга в тылу врага. Обычно, когда человек чувствует себя не в своей тарелке, со стороны это заметно и настораживает. К неуверенному человеку легче подойти, к чему-то прицепиться. А такой хоккей... Нет, такой хоккей нам не нужен.

Протискиваясь сквозь толпу, вдруг замечаю направленный на меня взгляд – прямой, как лазерный луч, и едва успеваю отвести глаза в сторону. Не задержать, не «законтачить» – это как два провода соединить, если заkontakчил.

Спокойно... На второй заход. Так, остановись... Ага.

Один из ларьков. Здесь продают шаверму, это как раз Салима заведение. Покупаю... Здесь удивительно вкусно и дешево кормят на улице. Если не отравят, ведь иногда воду для приготовления пищи черпают прямо из Тигра. Но та же шаурма в пересчете на московские деньги выходит дешевле раза в полтора, и при этом вкусная...

Спокойно. Взгляд на часы... Так, сейчас. Через плечо, чуть вверх. Есть. Снял. Запомнил. Знакомая рожа. Радикальный суннит, участник студенческих беспорядков, один из самых активных. Я его узнаю, потому что по нему велась активная разработка, но заставили свернуть, отец – депутат парламента. Но все равно – что этот черт тут делает?

Спокойно. Еще спокойнее.

У моего телефона – не криптофона, другого – есть одна особенность. У него есть объектив не только сзади, на спинке, как у всех, но и на боку. Это позволяет говорить по телефону или делать вид, что говоришь, и одновременно снимать. Правда, тут не ловит, но я могу и не знать об этом, верно?

Достаю телефон, натыкиваю номер. Подношу трубку к уху и в пулеметном темпе делаю снимки, поворачиваясь. Потом смотрю на телефон так, как будто он меня предал, говорю подходящее случаю нецензурное слово и прячу аппарат обратно в карман.

Возвращаюсь. Все уже там, я последний.

– Ну?

– Чисто, – говорит Рич. – Ноль.

Я достаю телефон из кармана.

– Вован, задание. В темпе вальса на улицу, откуда можно дозвониться. Проверишь последние снимки. У двери тусуется молодой, курчавый. Ни усов, ни бороды, светлая бейсболка. Проходил по мятежу в университете.

– Понял.

– Отправь, пусть пробьют по базе. Меня интересует последняя информация.

– Понял.

Слово «есть» Вован говорить почти отучился. Можно вышибить человека из армии, но нельзя вышибить армию из человека.

Я даю телефон.

– Давай. Отзвонишь – и назад. Основная точка сбора – первая платформа, самое начало. Запасная здесь.

Вован делает шаг и останавливается:

– Не пустят назад.

– Брат, ну что как маленький. Дашь на лапу, скажешь – эфенди что-то забыл. Ключи, там, пока не уехал. Пустят как миленькие.

Конечно, в словах Вована есть правда – с его ростом и явно неарабской внешностью проблемы могут быть. Но кто не рискует, тот спивается.

Вован двинулся.

– Пора и нам. Давай на платформу. Здесь отираться нельзя...

Платформа Багдадского центрального вокзала совсем не соответствует величественности вокзального комплекса. И близко нет масштабности Казанского, например, вокзала с громадным куполом. Нормальных навесов нет, все под солнцем – и это при удушающей жаре. Перроны низенькие, у самой земли – даже нормальные поставить не смогли, хотя бы как у нас на станциях для электричек...

Смотрю на время – почти пора. Кашляет громкоговоритель, в раскаленном, совсем не майском воздухе звук плывет медленно. И тут появляется крайне дурное чувство взгляда на спине – оно не раз спасало меня от неприятностей.

Перемещаюсь так, чтобы за спиной была колонна. Потом и вовсе иду к моей ненаглядной Джамиле...

– Жарко?

– Сам бы так постоял...

Понижаю голос, говорю по-русски:

– Посмотри сзади...

Рич чуть смещается. Никаб дает преимущество – очень сложно понять, куда смотрит женщина, облаченная в него.

– Нет, – негромко говорит он по-русски.

Значит, ничего не видит. Но чуйка недобрая.

Вскрываю бутылку, как и положено, по местным понятиям, – первым утоляю жажду сам, остатки отдаю любимой супруге.

– Идет.

Да, идет. Где-то там, на путях, со сдержанной мощью звучит ревун тепловоза. Багдад – Басра, пассажирский скорый, прибывает на первый путь. Как говорят у летчиков – время принятия решения...

– Работаем...

Мы снова расходимся. Я встаю на прежнее место, Джамиля остается на своем – контролировать вход в вокзал. Встречающих становится все больше и больше – люди выходят на солнце из кондиционированной прохлады вокзала. Я играю встречающего, тем более что одного из наружников, который сел на поезд в Басре вместе с объектом, знаю лично. Он из моей группы, здесь, в Багдаде, работал, потом был направлен в Басру передавать опыт, с повышением. Сделаем вид, что я его и встречаю. Он покажет мне объект и кратко введет в курс дела. Мы доведем курьера до стоянки такси или до машины, если его тут встречают, а там оторвемся. Три моторизованных экипажа наружки, что стоят неподалеку от вокзала, подстрахуют беспилотник. Операция чрезвычайно важная, потому ресурсы нам выделили. Обычно же показывают фигуру из трех пальцев...

И тут до меня доходит, что до сих пор нет Вована. Неужели вляпался...

Разбираться поздно – состав уже на финишной прямой. Тяжелый лобастый локомотив, покрашенный в местный, светло-песочный цвет с полосой посередине в цветах флага Ирака, тащит четырнадцать вагонов того же цвета. Встречающие бросаются на платформу, я чуть отступаю в сторону и поворачиваюсь боком. Бородатые здесь точно есть, еще не хватало в такой толчее заточку в печень схватить...

Тепловоз, тяжело дыша и обдавая машинным жаром, проходит мимо. Со скрипом останавливается. Приехали...

Немного продвигаюсь к хвосту поезда. Открываются двери вагонов, спускаются вниз лестницы. Теперь самое внимание...

Очки, которые на мне, – специальные, с особым напылением. В них видно то, что не видно обычным глазом. Для того чтобы не потерять объект в толпе, тем более такой, как эта, мы применяем технические уловки. Например, американцы еще десять лет назад разработали специальный состав, который не виден невооруженным глазом, но отчетливо просматривается при наблюдении с беспилотника или через такие вот очки. Наводчик из местных встречается с подозреваемым, как это здесь и принято – они обнимаются, при этом можно похлопать человека по спине, по плечу. Если на руки нанесен этот состав – цель будет помечена, и ее уже не потеряешь. Так же можно пометить багаж, машину, оружие – все что угодно. Такие очки и такие телефоны (есть еще лазерные указки с той же функцией) есть у каждого. Единственный их минус – аккумулятор быстро сажают.

Так...

А вон и Табрис. Точно в этом вагоне и с телефоном у уха. Осмотрелся, помахал мне... Есть!

Лазерный луч высветил цель в толпе. Молодой, невысокий, по виду нет даже тридцати. Безбородый или чисто выбритый – но это значения не имеет, они тоже умеют маскироваться. С собой – небольшой чемодан и большая сумка на манер спортивной, на ремне.

Стоп!

Объект резко остановился в толпе, и вокруг него сразу создалось завихрение. Люди, толкая, начали его обходить. Я замер... Из-за стекол очков было плохо видно – то ли он смотрит на меня, то ли куда-то за меня, в самое начало перрона. Потом произошло то, чего я и опасался – парень бросил сумку и ринулся в обратную сторону, назад и вправо, расталкивая людей.

Чтоб тебя...

Раздумывать было некогда – я ринулся за ним. Обычный просмотр уже наполовину провален, курьер либо испугался чего-то сам, либо ему подали какой-то знак, и он бросился бежать. Может, он уже в поезде почуял неладное. Теперь мы можем только одно – не дать ему уйти, не выпустить в город вместе со средствами, предназначенными на оплату терактов.

Ублюдок...

Он быстро вырвался из водоворота толпы и, толкая и сшибая людей, ринулся бежать вдоль высокого забора, защищающего железнодорожные пути. Я побежал за ним следом. Какой-то иракец попытался остановить меня, схватил. Я врезал ему коленом по тому самому месту – не время для любезностей, – вырвался и побежал дальше. Здесь есть видеокamеры, центральный пост охраны вокзала должен заметить, что делается, и послать маневренную группу. С другой стороны – у иракцев «легкая гашетка», и они запросто могут пристрелить и меня вместе с террористом или даже вместо террориста. Жизнь здесь лихая – сначала стреляют, потом разбираются...

Я отставал от беглеца уже метров на тридцать, когда он обернулся и выбросил вперед руку. Сверкнула искра, затем вторая – стреляет, ублюдок! Кто-то закричал, я распластался на земле со всего размаха. Это в кино хорошо выглядит, а так я, кажется, стеклом порезался и локти рассадил. Перекатился, выхватил пистолет, дважды бахнул над головой. Ублюдок снова побежал...

На перроне уже началась паника. Я оглянулся – Рича в роли моей любимой Джамили не было, он не успел среагировать и пробиться через толпу. Теперь и не пробьется...

Из толпы вырвался Табрис с оружием. Я уже снова бежал, он, получается... По путям, что ли, пробежал или как? Смелый парень, ничего не скажешь. Мы бежали, выкладываясь по полной, стараясь не упасть и снова не попасть под обстрел, в сторону недавно построенного локомотивного депо. Там, вдалеке, из депо выбегали люди с автоматами.

Курьер – черт, а он не слишком хорошо подготовлен для курьера? – на ходу сделал несколько выстрелов, буквально очередью, но не в нашу сторону, а в сторону забора. Я не сразу понял – калитка! Тут в заборе была калитка, ею пользовались путевые рабочие, чтобы не ходить в обход. Курьер тяжело, всем телом ломанулся вперед, калитка открылась, и он вырвался на свободу.

– Халас! – заорал я изо всей силы, сердце бухало где-то у горла, – халек фи маканак!⁴

Курьер обернулся и выстрелил еще один раз. Больше не смог – затвор встал на задержку, патроны кончились у ублюдка. Пуля отрикошетила от забора, курьер бросил пистолет и припустил в сторону Аль-Алам. Хорошо, что не в обратную – там мечеть...

Центр Багдада. Улица 14 июля, главная здесь, движение по ней бешеное. И мы – в гражданском и с пистолетами, а этот ублюдок – без. Перед проезжей частью он на секунду остановился, и понятно почему. Со стороны Дамаскус-стрит, вокзала и здания Национального парламента, который совсем рядом, ехали два полицейских пикапа, на одном из них был установлен пулемет.

Курьер бросился в обратную сторону, я не посмел выстрелить в него. Можно получить в ответ пулю от полицейских, да и народу много. Мы отыграли метров десять, но до этого их же и потеряли, так что тридцать как было, так и осталось.

– Халас! – снова заорал я.

---

⁴ Стой! Стой где стоишь! (арабск., иракск.)

На моих глазах Табрис, который снова опережал меня, вскинул руку с пистолетом, готовый стрелять...

В следующее мгновение на моих глазах его голова буквально взорвалась от попадания винтовочной пули. Брызнуло во все стороны, он упал под себя, на ноги, живые так не падают. Я с размаху бросился вниз, ожидая своей пули. Со скрежетом и визгом тормозили, бились машины. Кто-то с криком пробежал мимо, как разъяренный носорог – ботинок этого человека на долю секунды был в сантиметре от моего носа...

Застрочили автоматы. Я перекатился еще раз, обернулся – у пулемета никого не было, оба пикапа стояли, пулеметчик в тяжелом шлеме выпал из кузова, мне были видны его ноги – мертв или вот-вот будет мертв. Как и мы все.

Еще один мухомор, намеревавшийся пострелять, растянулся на асфальте, выронив автомат. Его щегольской красный берет отлетел в сторону. Судя по попаданию – слева вверху. Снайпер стрелял скорее всего со складов, которые на противоположной стороне улицы, – тут, кажется, раньше партия БААС квартировала, места много, теперь здесь логистическая зона, бардак полный. Метров восемьсот.

Мухабарратчики, разом забыв все, чему их учили, действовали бестолково и глупо, сгрудившись за машинами. Даже не попытались рассредоточиться, подавить снайпера огнем.

Второй полицейский – точнее, уже третий – тоже погиб на моих глазах. Он прятался за бортом пикапа, но снайперская пуля пробила и борт, и бронежилет. Он повалился на бок и застыл в какой-то детской позе с согнутыми руками и ногами...

А, чтоб тебя...

Прежде чем я успел подумать, уже понял, что бегу и ору единственное, что пришло в голову, – слово «френдли!». Остается надеяться только на то, что американцы вдолбили его в подкормку местным.

Упал на колени, прикрываясь двигателем тяжелого пикапа – его-то точно не прострелить никакой пулей.

– Ты кто такой?! – Один из мухоморов ткнул мне стволом в бок.

– Безопасность! – крикнул я по-английски. – Убери свое дерьмо! Есть дымовые гранаты?!

Араб недоуменно посмотрел на меня:

– Есть.

– Так бросай их, идиот! Ждете, пока всех перебьют?!

Козлы, другого слова нет. Береты надели и считают себя крутыми.

Мухомор потянулся за дымовой гранатой, но выстрелов больше не было. И, кажется, я понимаю почему – над площадью уже рокотал вертолет. Воздушный патруль, пулеметчик, снайпер, пара блоков НУРС – они постоянно над Багдадом. И опытному снайперу связываться с ними совсем не в жилу. Он свое дело сделал – обеспечил отрыв курьера, не допустил его задержания. Теперь ему надо спасаться.

Козел...

Рядом со мной лежал мертвый офицер, его кровь собралась на асфальте багровой, блестящей, медленно расплзающейся лужицей. Рядом с ним лежал новенький чешский автомат, из которого он не смог сделать ни одного выстрела. Я посмотрел и увидел чуть дальше, среди остановившихся в панике машин, иранский «Патруль», внедорожник. Схватив автомат, я бросился к нему. Сзади что-то закричали.

Да пошли вы...

В машине был один араб, похоже, водитель. Сама машина – государственная, с флажком. Я дернул дверь на себя, наставил автомат.

– Выметайся!

Дважды повторять не пришлось – араб выскочил из машины и, прикрывая руками голову, бросился бежать.

Автомат бросил на пассажирское место – тридцать патронов, но может, и хватит. Ключ на старт... Старый, но тяговитый дизель схватился, ровно забормотал. Я вывернул руль до предела и двинул машину вперед. Судя по скрежету, кого-то задел – из машины впереди выскочил араб-таксист, потрясая кулаками. Игнорируя его, я поддал газу, непрерывно сигналив. Машина пошла. Улица 14 июля из-за месива и пробки сзади полупустая – когда такое было?

Номера правительственные, авось не задержат. Интересно, на кого это мы навалились...

Левой рукой я достал телефон, на память, постоянно отвлекаясь на дорогу и матерясь, натыкал номер экстренной связи.

– Один – три – семь – два – один – пять, – отбарабанил я свой номер в трубку. – Мне нужен дежурный, код три-девять-девять.

– Дежурный

– Я один – три – семь – два – один – пять, позывной Искандер, работаю в одиночку, потерял группу. У меня тут экстренная ситуация, контакт с объектом утрачен. Прошу сообщить, есть ли контакт по птичке, как понял, прием...

Контакт по птичке – это наблюдение с беспилотника, от него не так-то просто уйти.

– Вас не понял, Искандер. Подтвердите, вы работаете один?

Да твою мать...

– Что ты не понял, козел? Иду на север по 14 июля, в одиночку. У меня тут урод с чемоданом бабок и снайпер, устроивший стрельбу в самом центре. Что ты еще не понял?!

– Э... – Дежурный заканчивает с установлением моей личности и начинает по делу: – Контакт есть, объект уходит на север по 14-му.

– Что за машина?

– Такси.

Придунок. Наберут по объявлениям – в Багдаде этих такси...

– Внедорожник. Белый «Ниссан». Я сейчас сманеврирую. Посмотришь.

Я резко, почти до отбойника вильнул влево. Под негодующий писк чьего-то клаксона выровнялся. Тяжелый внедорожник хорош тем, что можно ехать, особо ни на кого не обращая внимания.

– Заметил?

– Так точно. Восемьсот метров вперед.

– Увеличивается? Уменьшается?

– Неизменно.

Я бросил взгляд на спидометр – девяносто миль в час почти. Хорошо шпарим. Впереди уже движение густеет, как бы не встать.

– Я попробую его сбить. Не уходи с канала.

– Есть. Группа два вышла на связь, они у вокзала, пробиться не могут.

Хорошо хоть живы. Если бы попали под того снайпера – кого-то бы хоронили. Я сам чудом жив остался – если бы решил стрелять, сейчас бы лежал там с мозгами по всему асфальту.

– Передайте им – на 14 июля пусть не суются, не догонят. Пусть пробиваются к Имам Муса и попробуют обойти там.

– Есть.

– И веди их на меня. Что с такси?

– Идет, то же направление.

Я выжал из машины все, что мог, – дальше было уже опасно. Тяжелый внедорожник – совсем не то, что малолитражка. И судя по тому, как жмет таксист, – он не случайно там оказался. Как и снайпер.

Мы уходим из центральных районов. Север Багдада – район в основном суннитский. Хотя есть курды и другие меньшинства, в том числе христианские. Дальше – большая развязка,

оттуда начинается Мосул-стрит, дорога на Мосул, выезд из города, и там же – второй техно-парк. Она наверняка перекрыта полицией. Значит, он должен свернуть до нее – либо направо, к Тигру, либо налево. Скорее всего, налево, там густонаселенные районы, виллы...

– Он свернул! Он свернул!

– Куда? Куда?!

– Налево! Перед развязкой.

– Веди!

– Готовность!

Как бы не перевернуться. На такой машине перевернуться – кранты... И помощи ждать неоткуда. Если бы он свернул в сторону набережной – Рич и Вован могли бы перехватить его там, загнать в ловушку. Но сейчас мы уходим в противоположном направлении.

– Сейчас!

Кручу баранку, буквально пятой точкой ощущая, как отрываются от дорожного полотна колеса и машина весом более двух тонн становится на два задних. Ревя клаксоном, пролетает какой-то грузовик. Я ударяю боком машину – но уже после того, как «Ниссан» оперся о землю всеми четырьмя колесами. И, обдирая бока, вваливаюсь на улицу, ведущую в район вилл. Север Ирака весь застраивался частниками, по американским меркам это – субурбия, пригороды. Основная современная стройка шла в центре, на юге и на востоке. А тут – район вилл, правда, в отличие от американских, они все обнесены высокими, часто выше человеческого роста заборами.

– Прямо перед вами. Они остановились.

Приехали...

– Справа? Или слева?!

– Справа! Справа!

– Где цель? Вопрос – вы видите цель?

– Они выходят. Идут вперед. Идут быстро...

Я уже вижу их. Точнее, машину – белый «Датсун» с оранжевыми полосами и дверьми – местный признак такси. Она стоит даже не припаркованная – просто брошенная посреди улицы, так, чтобы перекрыть ее.

И там, впереди, два бегущих человека.

Ну-ну...

Я поддаю газа, и массивный бампер «Ниссана» буквально сносит такси-микролитражку, сминая ее и отшвыривая в сторону. Выскакивая из машины, я вижу, как двое уродов заскакивают в калитку какого-то дома. Случайного? Или нет?!

Калитка закрывается.

Выключаю двигатель... Не спеша достаю из машины автомат, переключаю на одиночные. Улица пуста. Из-за поворота, видимо на грохот, выбежал пацан, но тут же бросился обратно.

– Наблюдаешь?

– Так точно.

– Где цель?

– Зашли в здание. Перед вами и направо.

Верно. В этом здании может быть все что угодно – от местного исламского комитета до выхода в багдадские подземелья. Багдад изрыт под землей, как швейцарский сыр. Саддам в свое время построил кучу подземных бункеров, переходов между дворцами, тайных командных пунктов, арсеналов – чего там только еще нет. Могут попытаться дальше уйти пешком, выйти к железнодорожной ветке.

– Вижу. Я попробую постучать в дверь.

– Понял. Специальная полиция уже направляется в этот район.

– Откуда? – быстро спрашиваю.

– Из центра.

Долго ждать придется...

– Вас понял.

Где-то вверху тархтит вертолет, то ли дежурный, то ли направленный в район для предварительной разведки. Хорошо бы, если бы и полицейские решили выдвигаться на вертолете, а не под прикрытием брони. Броня – это хорошо, только долго...

Рискнуть, что ли?

Двигаясь по тротуару в направлении дома, набираю еще один номер. У человека, владельца телефона с этим номером, большие нелады с государством Израиль. Поэтому он часто меняет номера. Надеюсь, что номер, который я знаю, еще работает.

Пока набираю номер, дохожу до стальной калитки в заборе того дома, в котором скрылся курьер с сопровождающим таксистом. Поколебавшись – вдруг там граната или урод с автоматом на изготовку, – пытаюсь открыть ее, держась так, чтобы меня прикрывал бетонный забор. Бесплезно – ручка не поддается, закрыто...

Гудки в телефоне сменяются каким-то свистящим грохотом. Есть!

– Ас саламу алейкум, – кричу изо всех сил.

– Ва алейкум ас салам. Кто это?

Судя по звукам, Хасан летит в вертолете. Это радует.

– Это Искандер. Твой старый друг.

– А, Искандер, салам алейкум, рафик.

– Времени нет, слушай сюда! Я в районе Ас-Салам. Если ты направляешься сюда, имей в виду – курьер надежно прикрыт, повторяю, надежно прикрыт. Скрылся в здании, контакта нет. Ориентируйся по разбитой машине, повторяю, по разбитой машине.

Краем глаза вижу, как впереди, со стороны улицы, ведущей к железнодорожной развилке, медленно выезжает старый, побитый «Субурбан». Останавливается...

– Я перезвоню.

Машина большая, в ней может быть человек десять-двенадцать. Я сую телефон в карман – вот, кажется, и настоящие неприятности начались. До них метров пятьдесят.

Открываются дверцы машины, вылезают люди. Пять, шесть и водитель, кажется, в машине. Автоматы у всех, молодые. Бородатые. Лица открыты. Внешне агрессивности не проявляют и не отходят от машины, кажется, чего-то ждут.

Рискнуть?

– Хей! – изо всех сил ору я. – Хасса таль хна! Хасса таль хна!⁵

Никакой реакции. Один показывает на меня пальцем – по арабским меркам весьма невежливо – и что-то говорит остальным. Остальные смеются. Один триндит по телефону, непонятно на какую тему.

Ждут остальных? Какого хрена им так весело? Черт, сколько времени до вертолета – я ведь так и не спросил Хасана. А без поддержки мне здесь точно хана.

Что-то тяжелое шлепается совсем рядом, переброшенное через забор. Я прыгаю за припаркованную машину, отчетливо понимая, что, скорее всего, не успею. Но взрыва нет, я больно бьюсь плечом об асфальт, с трудом перекатываюсь. Боевики бегут в мою сторону – они тоже не ожидали, что граната не сработает. Двумя выстрелами я снимаю двоих из них – неплохое начало – и, сделав еще три выстрела, перекатываюсь на противоположную сторону улицы. Пять на двоих – я вскакиваю и бегу за разбитый «Ниссан», прежде чем боевики, опомнившись и заняв какие попало укрытия, открывают огонь. Огонь довольно плотный, из четырех стволов – по машине как градом бьет. Но меня не достает. Я лежу на земле и караулю свою последнюю возможность – большинство из тех, кто не слишком опытен в уличных боях, забывает

---

⁵ Иди сюда, сейчас же (арабск., иракск.).

о том, что у машины есть клиренс и из-под нее можно тоже стрелять. С хлопком лопаются обе передние шины, но мне удается поймать еще одного: насмерть или нет, я не понял, но он взмахнул руками и выронил оружие. Трое. Плюс один в машине. Плюс хрен пойми сколько сейчас сбегутся на стрельбу. И все.

Помимо «Ниссана» укрытий вблизи больше нет. Единственное, что я смог, – занять максимально безопасную позицию, так, чтобы меня защищал двигатель автомобиля.

– Аллах Акбар!

Идиот...

Выскочивший из того дома, в который я стучался, джихадист, вместо того чтобы сделать свое дело молча, заорал и выдал себя. Высунувшись, я поразил его двумя пулями из пистолета. Осколок то ли фары, то ли металла сильно, как пощечина, ударил по лицу, потекла кровь. Двое точно и двое приблизительно – уже неплохо. Но те, кто остается в живых, быстро учатся – они простреливали одиночными машину, не давая мне высунуться, и, по всей видимости, приближались короткими перебежками. Дальше – либо бросок гранаты, либо...

Шум двигателя, крики и стрельба раздалась сзади, оттуда, откуда я приехал. Еще лучше.

С той стороны тоже выскочила машина, пикап с кузовом, в котором было трое отморозов. Я попал в одного, когда второй вскинул ракетную установку и выстрелил. Каким-то чудом – может, помешала стрельба – ракета прошла мимо машины, ударила в бетонный забор и с грохотом разорвалась. В ответ я выстрелил несколько раз по кабине водителя, попал или нет – не знаю, водитель мог укрыться за двигателем. Двое оставшихся в живых выскочили из кузова и скрылись за пикапом. Если у них есть еще один выстрел к «РПГ» – они не промахнутся...

Пять...

Взорвалась граната, где-то у передней части «Ниссана». Осколки не задели меня, но это пока. Я выстрелил дважды в ту сторону, чтобы тормознуть их хоть немного. Укрытия нет – в две стороны разом я стрелять не могу...

Вдруг двое из тех террористов, которые укрывались за пикапом, вскочили и бросились бежать прочь, совершенно неожиданно. Я едва успел прицелиться и тремя пулями поразил одного – он споткнулся на бегу и остался лежать. Красный круг с точкой был на втором, я нажал на спуск, но автомат молчал. Кончились патроны...

Зашибись...

И тут я понял, почему они бежали. Я бы тоже побежал...

Станный звук, слышный громко и отчетливо, перекрывал даже шум от вертолетных винтов. Что-то похожее на работу промышленной дрели, назойливое дребезжание пополам с ревом. Я знал, что это такое, – не раз слышали на полигоне.

Пулемет Гатлинга производства «Диллон Аэро» – в просторечье «Миниган». Тот самый, с которым Шварц разносил полицейские машины во втором «Терминаторе». С рук из него, конечно, не постреляешь, в настоящей войне он мало пригоден, лучше «Корд», но против пехоты и машин – оружие страшное.

Я выглянул из-за «Ниссана», но никого не увидел, «Субурбана» тоже не было. Кто еще был жив – тот и хотел оставаться в живых. Пока это возможно...

«Ми-171» производства Казанского вертолетного, из проема расширенного переднего люка которого виднелся блок стволов и труба гильзоотвода «Минигана», завис над улицей. С хвостового люка сбросили трос, и по нему один за другим начали спускаться солдаты «Альфы» – антитеррористического полка из Эль-Азизии, который с нуля собирали и тренировали мы, русские. Названного в честь легендарной «группы А» – еще того, советского разлива. Их можно было легко отличить по титановым штурмовым шлемам с забралами и автоматам «АК-12», которыми они были вооружены вместо чешских. Трое развернулись, залегли, обеспечивая периметр, следующие бросились к заборам, выстраиваясь в штурмовую колонну и прикрывая

все возможные направления обстрела. С вертолета, один за другим, им сбросили два штурмовых щита.

– Аджи! Аджи!⁶ – закричал я, выбросил сначала автомат, в котором все равно ничего не было, потом пистолет. – Руси! Руси!

Руси, русский, русские – эти слова во многих местах здесь служили пропуском.

Двое штурмовиков приблизились ко мне. Один держал на прицеле, второй отбросил пистолет и связал руки сзади одноразовыми пластиковыми наручниками. Не убили, и на том спасибо...

– Кефайя⁷, – раздался сухой, знакомый голос.

Меня схватили за сцепленные сзади руки и поставили на ноги. Было чертовски больно, но я сдержался, ибо перед местными слабость нельзя показывать даже в мелочах. И тут я оказался пред ликом подполковника Мусай, заместителя командира антитеррористического полка, бывшего бойца Хезбаллы.

– Салам алейкум, рафик Сулейман... – сказал я.

– Ва алейкум ас салам, рафик руси... – ответил подполковник. – Это ты здесь стрелял?

– Терры, – сказал я. – Двое как минимум. В угловом доме. Возможно, список А.

Подполковник несколько секунд смотрел на меня, как будто решая, что со мной делать. Потом повелительно махнул рукой.

Иракцы не торопились. Собственно говоря, и я бы не торопился – если те, кто засел в доме, имели пути отхода, они давно оттуда свалили. Могли оставить сюрприз в виде растяжки перед дверью, а то и полностью заминированного дома. Поэтому антитеррористы заняли блокирующие позиции по всем направлениям, вперед пустили взрывотехника, который должен был пробить коридор. Вертолет улетел, подошла наземная колонна – там были полицейские собаки. На одну из них – черную, с подпалинами немецкую овчарку – сейчас надевали пояс с видеокамерой...

Мои тоже пробились. Сейчас я сидел в чужом внедорожнике, который они реквизируют и даже умудрились не разбить, и пил горячий чай из термоса, приходя в себя. Вован, не раз и не два участвовавший в спецмероприятиях, стоял так, чтобы между ним и адресом была машина, курил, успокаивая нервы. Рич переоделся и разговаривал с иракцами у оцепления – он их и тренировал. Горящие машины затушили большими автомобильными огнетушителями, справились сами, без пожарных. Трупы оттащили в сторонку, положили рядком, обыскали и сняли на видео – как ни крути, а результат. Реальный результат, не то что «в районе боестолкновения обнаружены использованные перевязочные пакеты, кровь, следы волочения», который иракцы на себя запишут (я, впрочем, не в претензии). По периметру собиралась толпа, многие с мобилами. Среди них сто пудов есть осведомители «Аль-Каиды», а весь материал появится сегодня вечером в «ютубе» с комментарием: иракские полицейские муртады вместе с кяфирами убивают правоверных...

Саперы уже пристроили на одной из плит готовый саперный комплект для пробивания дверей. Каждого сапера прикрывал штурмовик со щитом и легким автоматом, а дополнительно их прикрывали снайпер и пулеметчик с вертолета. Все делали не торопясь, аккуратно и внимательно – это американцы врываются чуть ли не с разбойным посвистом, рассчитывая на бронезащиту. Затем, пятясь, пошли назад, каждый сапер стравливал с пальцев двойной провод. Детонаторов тоже два – на всякий пожарный.

– Готовность у саперов! – доложили по связи, которую я слушал из машины.

– Готовность к подрыву, внимание всем!

---

⁶ Друзья, дружественные силы (арабск.).

⁷ Хватит, достаточно, хорош (арабск.).

Техник закончил с собакой, показал большой палец. Я допил чай и переместился за машину – на всякий случай.

– Собака готова.

– Внимание, обратный отсчет от пяти. Пять – четыре – три – два – один – подрыв!

На сигнал «подрыв» хлопнуло, внушительно так хлопнуло. Подорванную бетонную плиту заволокло дымом и пылью, где-то истерически завывла автомобильная сигналка.

– Есть подрыв.

– Внимание, есть подрыв. Наблюдателям доложить.

– Небо один, движения в адресе нет.

– Движения нет, собаке вперед.

Кинолог спустил поводок:

– Собака пошла!

Мы напряженно наблюдали за тем, как собака, приседая на задние лапы, как обычно делают овчарки, подбежала к дыму. Немного помедлила, но, то ли чувство страха отступило перед чувством долга, то ли кинолог отдал команду, прыгнула в дым и пыль и пропала...

Я пододвинул рацию, чтобы лучше слышать. Обмен шел на арабском.

– Первый, собака двигается. Нет движения, повторяю, нет движения.

– Понял. Подводи ее к дому...

– Так, внимание, следы крови. Есть следы крови.

Видимо, собака почувствовала кровь и опустила голову понюхать.

– Девятый, двигай собаку дальше.

– Вас понял...

В этот момент коротко прострочил автомат. Короткая очередь, потом еще одна, длиннее...

– Автомат, автомат! – Это уже крикнули по-русски.

– Движение в адресе! Контакт, повторяю, контакт!

Выстрел снайпера не был слышен за шумом винтов...

– Небо один, работаю...

– Девятка, выводите собаку назад! Отзывай собаку!

– Собака идет назад!

– Небо один, поразил цель. Один двухсотый или тяжелый трехсотый...

– Группа прикрытия, вперед! Штурмовой группе готовиться.

Четверо начали продвигаться к зданию, двое со щитами, двое – с «ЛПО-97», ручными пехотными огнеметами с магазином на четыре патрона. Не такой мощный, как «Шмель», но при штурмах – самое то. Под прикрытием автомобилей формировалась штурмовая колонна.

Из пролома выскочила собака, как мукой обсыпанная. Но, кажется, целая. Побежала, прижав хвост, кинолог не вытерпел – выскочил из-за линии машин, схватил собаку и понес назад...

– Красный!

Спецназовцы тем временем конкретно отработали у пролома. Все просто – двое со щитами, двое – с огнеметами. В максимально быстром темпе пробивается каждое окно, каждая комната. Ответный огонь остановят щиты. Гранаты термобарические, от них ничего не спасает, вариант один – смерть или тяжелая контузия, исключаяющая ответные действия.

– Небо один, наблюдаю дым, языки пламени...

Загорелось. Впрочем, от десяти выстрелов термобарическими было бы странно, если бы не загорелось...

– Штурмовики, вперед!

Гранатометчики отступили, прикрываясь забором. На смену им подошла штурмовая колонна. Первыми в пролом прошли щитовики, дальше, по одному, штурмовые группы. Пуле-

метчики прикрывали, пока молча. Построились, двинулись вперед, к адресу. Все напряженно ждали, в мобильном штабе работали видеокамеры. У каждого бойца к шлему прикреплена камера, все пишется. Потом на теории все будет разбираться, каждое действие, каждое движение.

Пока не стреляли. Показался дым. Уже горело прилично, надо будет тушить.

– Группы два и три, доклад.

– Группа два, движения нет.

– Группа три, движения нет...

Здание все-таки потушили. И зачистили. Вертолет ушел куда-то на восток, полицию к зданию не пропускали. Дали команду «можно», к зданию потянулись офицеры, двинулся и я. Расследовать, снимать отпечатки пальцев, особо нечего. Хотя потом полицию, конечно, пустят.

Изнутри вскрыли дверь, она оказалась не заминирована. За дверью был небольшой садик, привядший от жары и скудного полива, и дом. Белый, после штурма страшный – выбитая дверь, вынесенные рамы, следы гари над каждым окном, белый дымок, какая-то обгорелая грязь под окнами.

Из дома выносили трупы, складывали рядком в саду. Завоняют... Спецназовцы собрались в кружок, правее от основного входа. Сняв защитные шлемы, курили. Я подошел.

– Ас саламу алейкум.

– Ва алейкум ас салам, эфенди...

Двоих я знал. В ответ на мой кивок головой, означающий «ну, что?», один отрицательно качнул головой в сторону – ничего нет. Я удивленно поднял брови, он отвернулся.

Никого не стесняясь – в конце концов, я при исполнении, а не так, – подошел к трупам. Наскоро обыскал. Два обгорели сильно, два поменьше. Обычно курьеры не рискуют возить груз в ручной клади. Значит – либо пластиковый пояс на теле, либо глотают пластиковые капсулы, как будто наркотики перевозят, либо засовывают эти же самые капсулы, простите, в задний проход. Но мне туда лазать не с руки. Тем более на виду у местных – решат, что я пытаюсь надругаться над трупами, здесь это может вызвать беспорядки. Надо везти в морг и вскрывать этих уродов...

Выпрямляюсь, рядом стоит подполковник Сулейман Мусаи, улыбаясь в черные офицерские усы.

– Ничего нет, – негромко говорю я.

– А должно быть?

Что-то мне это все не нравится.

– Или в них самих, или в доме. Золото, возможно, обработанные алмазы на крупную сумму. Забери тела в полицейский морг.

– Непременно. Не переживай, рафик. Все сделаем.

Да, не переживай. А я вот почему-то переживаю...

– Будь на трубе. Я позвоню ближе к вечеру...

Иду обратно на улицу и чувствую, как подполковник смотрит мне в спину...

Международный аэропорт Багдада 15 мая

Сегодня среда, а значит – день водки. Завтра четверг, последний рабочий день.

С утра я беру разъездную машину, обычную «Газель», и еду в Багдадский международный. Дорога в аэропорт – тоже одна из легенд, американцы ее называли «аллея РПГ», там постоянно обстреливали. Сейчас приняли пассивные меры безопасности: дорога на всем ее протяжении с обеих сторон прикрыта щитами выше человеческого роста, конкретно – три и семьдесят пять метра. Как в Европе – только в отличие от Европы это не шумоизолирующие щиты, а вполне конкретный железобетон, стандартные панели. К аэропорту едут в основном не «Шацманы», это для небогатых. «Мерседесы», «БМВ» – я тут со своей «Газелью» даже неловко себя чувствую, как нищий на званом балу. Все-таки сто тридцать миллиардов баррелей только разведанных запасов. У нас сто семьдесят. Хотя у нас большинство – трудноизвлекаемая нефть, а здесь до сих пор – легкая. «Басра лайт» на двадцать долларов дороже нашей «Сибериан круд» идет...

Аэропорт – сверкающая стеклянная громада, словно космический корабль, потерпевший катастрофу, тут и оставшийся. У коммерческого терминала – не протолкнуться от «мерсов», поэтому мне не сюда. По кромочке, по кромочке – к грузовому. Багдадский международный – пока универсальный, тут и пассажирские, и грузовые терминалы, и даже военный сектор есть, правда, небольшой. Но это пока – под новый аэропорт для грузов уже расчищают площадку и железную дорогу туда тянут. Как раз недалеко от нашего нового посольства. Мультимодальный логистический центр называется...

Пропетляв между выложенными елочкой бетонными надолбами, миновав стальные, не распахивающиеся, а открывающиеся вбок ворота, которые не вынести и тяжелым грузовиком, выбираюсь на поле. Наш грузовик – «Ил-476» – уже стоит под разгрузкой, контейнеры грузят в бронированные иракские машины. Водители – все в военной форме – сгрудились в сторонке, курят.

Паркуюсь впритык. Навстречу мне уже спешит Павел Валерьянович Бегунов, полковник ВВС. Машина военная, летает с Кубинки по тем маршрутам, про которые лучше вслух не говорить, и с теми грузами, о которых даже сам экипаж не знает. Сам Павел Валерьянович начинал еще в Афганистане.

- Салам алейкум.
- Ва алейкум ас салам...
- Все нормально?

Павел Валерьянович кивает. Я передаю сверток. Водка и все прочее, типа свежей московской прессы, черного хлеба, селедки, растыканы по кабине экипажа. Главное – не перебить.

- Новое чего есть?
- Да нет, все по-старому.
- Ну, помогай вам бог.
- И вам...

Выезжаю обратно. Теперь весь день забит. Надо развезти по точкам, часть полагается советническому аппарату. Совместная выпивка проходит как укрепление отношений. Остальное до поры сложим в основном здании. Ну, и вечером, конечно, в меру принятие.

Но не у меня. У меня свои расклады...

Закончив работать Дедом Морозом (это потому что подарки доставляю), заезжаю в Министерство нефти. В своем кабинетике быстро переодеваюсь в гражданское, то есть костюм, рубашку. На пояс вешаю «ЧеЗет» и три почта с магазинами, еще один пистолет – в кармане.

Как думаете, куда я? А вот и не угадали – на свидание.

Вот такие тут... свидания.

Нормальных машин на стоянке нет – все разобрали. Мне достается чудовище, чем-то похожее на самые первые «Хаммеры» – это китайский «Хаммер», здесь их немало. На потолке в держателе автомат – нормально. Выруливаю на улицу – надо выбраться на Яффа-стрит, улицу, ведущую через половину Багдада. Дальше – в Садр-сити...

Разгоняя клаксоном машины, пробираюсь вперед. Несмотря на то, что при Саддаме построили просто шикарные трассы через весь город, в Багдаде уже есть пробки. Перебираюсь на восточный берег Тигра, по мосту аль-Джумрия, пробираюсь к Канал-аль-Джайш, военному каналу. Это канал через весь Багдад, прокопанный при Саддаме, мосты через него, в отличие от мостов через Тигр, примитивны и уродливы. Для чего его прокопали – не знаю, версии слышал две. Первая – на случай штурма Багдада иранцами, во время Ирано-иракской войны. Это маловероятно – сил у иранцев тогда не было, хотя прокопать канал – излюбленный военный прием Саддама, так готовились к обороне Басры. Вторая – на том берегу – Садр-сити, местные еще называют его Таура, а раньше – Саддам-сити, город, построенный Саддамом для палестинских и прочих беженцев, которых он принимал в Багдаде, когда старался выглядеть лидером всей иракской нации. А этот канал – на случай мятежа. Тоже странная версия – против Саддама тогда мало кто думал бунтовать. Тем более те, кому он дал кров над головой...

Сам канал – шириной всего несколько метров. На ту сторону ведет мост, состоящий из стальной арматуры, бетонных плит и небольших, сваренных из труб поручней – чтобы машина в реку не упала. Перед въездом на мост – блокпост, перед ним стоит бронетранспортер...

Раньше в этих местах были баррикады, которые держала местная милиция, но когда наводили здесь порядок, объяснили: в мирном городе не может быть баррикад, и если они появятся – то будут снесены как не соответствующие новому облику Багдада. Баррикады снесли, хлам разобрали и вывезли. Но люди-то остались. Вон сидят у самой дороги, на корточках, зыркают.

Моя цель – Джамиля-Маркет, второй по величине и самый дешевый в округе. Он постепенно расширяется за счет сносимых домов, община строит рядом с ним мечеть. Тут же, рядом – небольшие забегаловки, едальни и более приличные места, где можно отведать потрясающе вкусную еду за смешные по моим меркам деньги. Странно, но парой километров на запад вам подадут долму, которая хуже по вкусу, но в десять раз дороже. Стил, однако. Но моя женщина любит именно такие места – это ее среда обитания, ее народ, ее город. Я все-таки чужой здесь, а она – нет...

В том месте, где мы договорились встретиться, меня не знают. Но хозяин, едва только мне приходится произнести имя своей подруги, расцветает в улыбке и ведет меня к лучшему столу, отделенному от зала легкими занавесками. Спрашивает, что уважаемый господин будет пить. Водку из-под полы продают даже самые богобоязненные. Я говорю, что пить ничего не буду, заказываю куфте с травами и овощной куку. В едальне хорошо. Играет какая-то мелодичная музыка, вроде нашид, но не нашиды⁸. Я передвигаю кобуру с пистолетом так, чтобы в случае чего стрелять сидя. Если кто-то решит рискнуть, что ж, удачи ему.

Как-то так получилось, что я в жизни не умею расслабляться. Совсем. Наверное, потому и семьи нет. Хотя скоро все может измениться...

---

⁸ Нашиды – мелодичные песни религиозного содержания, связанные с Кораном и шариатом.

А вот и она. Вся такая решительная, и вся такая внезапная. Грива черных волос, синие джинсы, армейская куртка из грубой ткани, сумка на плече. Один я знаю – там есть потайное отделение, а в отделении этом хранится «Глок». Пистолет подарил я – на день рождения...

– Привет...

Под неодобрительные взгляды местных парубков она чмокает меня в щеку и садится, чуть подвинув меня. Так, чтобы не сидеть спиной или боком к окну. Этакая пай-девочка, чем-то похожая на королеву Иордании Ранию несколько лет назад. Трудно поверить, что на ней больше тридцати трупов...

– Заказал?

– Конечно. Ты все еще бережешь фигуру?

– М... можно и так сказать. Кстати, ты знаешь, что секс сжигает в два раза больше калорий, чем бег трусцой?

– Это ты в «Инспайр» вычитала?

– Нет, в «Космополитен».

Вот за что я ее люблю...

Мую подругу зовут Амани, она палестинка из богатой семьи, родилась в Иордании, и отнюдь не в лагере беженцев. Имя вполне ей подходит, в переводе означает «желанная». Отец отдал ее в британскую школу, надеясь, что дочь станет обычной женщиной с обычной семьей и обычной биографией. Но у Амани оказалось много больше общего с детьми беженцев из палестинских лагерей, нежели с детьми аристократов и британских дипломатов. Она бросила школу и пошла в террор.

Глядя на нее, трудно даже представить, что она террористка или была террористкой. Палестинки бывают очень красивые, в них течет кровь самых разных народов. Она на голову ниже меня, но с отличной фигурой и потрясающими зелеными глазами. Именно это сочетание – зеленые глаза и черные как смоль, пышные волосы, которые она закалывает в хвост, – меня и добило окончательно. Но с ее слов – ее ищет МОССАД, что маловероятно, впрочем, ищет и «Аль-Каида». А вот это более вероятно. Когда у Джамиля-Маркет в прошлом году взорвалась машина, начиненная тонной взрывчатки, – ее целью был не рынок, на котором тогда погибло восемьдесят с лишним человек, а неприметное здание рядом с ним. Там располагались разведывательные структуры «Хезболлы» и представительство ХАМАСа, у которых с «Аль-Каидой» и «Аль-Нусрой», Сирией и Ливаном особые счета. Тогда-то и прибыла Амани.

Где-то в Ливане она и сломалась. Когда начались межобщинные столкновения шиитов и суннитов, вызванные событиями в Сирии, где шиитские и суннитские террористические группировки открыто воевали между собой, видимо, только тогда она поняла, насколько страшен может быть террор. И тогда из бунтующей против несправедливостей этого мира девчонки-экстремистки она начала превращаться в того, кем является сейчас. Сейчас она не вершит террор, а борется с террором, как бы дико это ни звучало. Она теперь оперативник спецотдела «Хезболлы», засекреченного и юридически не имеющего никакого отношения к Палестине и к Ирану. Задача ее и товарищей – ликвидация организации «Глобальный салафитский джихад» и его боевого крыла «Аль-Каиды» любыми, в том числе террористическими средствами и методами.

Нам приносят заказанное, и она буквально набрасывается на еду. Она все так делает – очертя голову. Ест, дружит, любит.

Наверное, за это я ее и люблю. Полная противоположность мне, опасная, как ядовитая змея. Это и есть ее псевдоним. Наас, змея.

– Вкусно, – говорит она с набитым ртом.

Я бросаю время от времени в рот мясной шарик и задумчиво смотрю на нее.

– Что так смотришь? Мне не по себе, – вдруг говорит она и перестает есть.

– Да так. Ничего.

Она вдруг кладет вилку.

– Знаешь... Ты помнишь полковника Салефа? Он погиб в прошлом году.

– Помню.

– Он сказал, что ты иногда смотришь, как колдун. Проникаешь взглядом в душу.

Да уж...

– Знаешь... – неожиданно даже для себя самого говорю я. – У меня контракт заканчивается. Вот думаю, продлить или нет.

Она вскидывает брови, искусно подведенные тушью.

– Почему бы и нет?

– Здесь могут убить. Запросто. И тебя тоже.

– Боишься? Не знала, что ты можешь бояться.

– Дело не в этом.

– А чем?

Она снова начинает поглощать куку.

– Если я уеду, поедешь со мной? В Россию.

– В Россию?

До нее вдруг доходит, она медленно кладет вилку. Ее глаза – свет из-за спины – как две черные дыры, втягивающие все живое.

– Это что... – говорит она. – Предложение?

– Да.

Она молчит. И я молчу, досадуя на себя за такую глупость. Нет, я все-таки полный, полнейший идиот. Зачем я ей нужен? Она же вольная птица. И ее все устраивает.

– Но я... мусульманка.

– Плевать.

Она молчит. Потом накрывает мою руку своей.

– Мне... Знаешь, это первый раз, когда мне делают предложение. Первый раз.

– Все бывает в первый раз. Итак?

Она смотрит на меня. Слезы скапливаются в уголках глаз подобно алмазам, чтобы упасть и растаять без следа.

– Ты же... Знаешь, кто я.

– А ты знаешь, кто я. Я веду войну уже двадцать лет. Как ты думаешь, сколько людей я убил? Когда-то это все надо прекратить. И тебе и мне. Знаешь... Я думаю, что Бог на самом деле един, и неважно, кто и как его называет. И я думаю, что мы не для этого родились. Пора закончить нашу войну. И дать этому миру хоть что-то хорошее.

– Я тебе благодарна, правда...

Я встаю:

– Не продолжай.

– Нет, подожди... – Она вцепляется мне в руку – до крови.

– Не надо.

– Нет, надо. Послушай. – Она смотрит прямо на меня. – Я... Это не мое решение, но я сейчас не могу.

– Все зависит от нас. Нет судьбы, кроме той, которую мы творим.

Она грустно улыбается:

– Есть. Ты руси, ты не знаешь, что это такое. Вы живете не так, как мы. У меня есть семья, есть родственники. Если они не смогут отомстить мне, они смогут отомстить им. У нас так делается.

– Кто отомстит? Что им нужно? Денег? Я дам. Если надо – я убью каждого из них.

– Не надо. Ты... действительно этого хочешь?

– Черт возьми, а ты этого еще не поняла?!

На нас уже смотрят.

– Я... Поняла. Но есть то, что я должна закончить. Как только я закончу... Если ты не передумаешь...

– Передумаю?!

– Если ты не передумаешь... Я тоже люблю тебя. Пусть ты не мусульманин, а руси...

Я отпихиваю от себя тарелку:

– Да какая разница... Мусульманин, русский... Надо прекращать все это, понимаешь? Кто-то должен все это прекратить. Иначе никто не останется в живых. Никто.

Утренний свет струйкой меда сочится в окно, с соседнего минарета мулла выпекает азан, зовя правоверных совершить намаз. Окно забрано мелкой, особо устойчивой сеткой – на нем рванет даже граната, выпущенная из РПГ. Я лениво вслушиваюсь в мелодичный перелив азана. Проложенная светом дорожка к окну – как путь к Аллаху...

Амани прихорашивается у зеркала, само зеркало треснуто. Услышав шорох, оборачивается...

– Проснулся?

– Ага. Кофе хочу.

– Хочешь – иди и приготовь.

Это тоже наша обычная пикировка. Приготовить кофе ее не заставишь, она видит в этом мужской шовинизм и угнетение женщин. И за это я ее тоже люблю.

Мы в самом центре Садр-сити...

Ползу на кухню, вымотанный до предела. Ставлю на газовую плиту сковородку, там уже насыпан чистый белый песок с озер – кофе нужно варить именно так, а не так, как варят в России, – на газу или в кофе-машине. Из окна кухни виден небольшой дворик, соседний дом разрисован граффити до второго этажа, разбираю только автомат и надпись – «Смерть предателям». Чуть в стороне – довольно точная копия портрета Имама Али, четвертого имама мусульманской уммы, убитого здесь, на земле Междуречья, в бою под Кербелой вместе со своими сторонниками. С тех пор идет непримиримый раскол между Шиитов, партией Али, и суннитами, то есть теми, кто выбрал нового имама и забыл про свершившуюся трагедию. Уже пролилось бог знает сколько крови – и только сатана знает, сколько еще прольется...

Кофе уже вскипает коричневой пеной, я успеваю его вытащить из прокаленного песка, прежде чем пена выплеснется наружу. Аккуратно разливаю из турки по чашкам... И то и другое из меди, старинное, куплено на рынке – тут такие вещи копейки стоят. Точнее – филсы, которых не сто, как наших копеек, в одном динаре, а тысяча. Когда кофе немного остывает, на кухню входит Амани, толкает меня бедром, берет кружку. На ней обтягивающие джинсы, а вот сверху она не надела совершенно ничего. Интересно, она хоть понимает, как это заводит? Наверное, понимает, все женщины это понимают.

– Ммм... Великолечно. Все русские так умеют варить кофе?

– Нет. Только я. У нас обычно чай пьют.

– Зеленый?

– Нет. Черный, причем очень крепкий и без сахара. Это называется чифир.

– Чифир... – Она несколько раз повторяет новое слово. – Чифир... Круто.

Ни она, ни я не говорим о вчерашнем. Я не знаю, что говорить, и она, наверное, не знает...

– Что-то новое? – спрашиваю как бы невзначай. – Мне показалось, что ты чем-то озабочена. Есть что-то серьезное?

Она знает, кто я такой и чем занимаюсь. Но иногда говорит мне кое-что – наверное, то, что санкционировано руководством. Возможно, руководством санкционировано и другое...

Но я об этом и думать не хочу. Мне хочется думать, что когда-нибудь и у меня будет семья. Хоть какая-то...

– Вообще-то да... – неохотно отвечает она, прихлебывая кофе. – В Басре убрали троих наших товарищей, водителя и двоих оперативников. Очень опытные люди. Очень.

Я киваю. Такое случается. Здесь, в Ираке, работают очень и очень многие. Американцы, израильтяне, мы, иранцы... Даже представительство белорусского КГБ тут есть. У белорусов тоже есть интересы... В этих странах есть миллионы людей, для которых стакан молока – лакомство.

– Кто-то конкретный?

– Да. Мы думаем, Аль-Малик вернулся...

Я прихлебываю кофе и вдруг чуть не роняю кружку, осознавая то, что она сказала.

– Он же мертв.

Она качает головой:

– Мы считаем, что он жив и находится в Ираке. Еще две недели назад наши люди засекли его в аэропорту «Абу-Даби». Оттуда он перелетел в Кувейт, мы вели его от самой границы. В Басре он убил наших людей и сорвался с крючка.

Твою же мать... Аль-Малика я знаю. Так хорошо, что не хотел бы даже вспоминать.

– Когда он сорвался с крючка? Мне нужно точное время. Можешь сказать?

– Тринадцатого.

– Мая?!

Она недоуменно смотрит на меня:

– Да. Ты что-то знаешь?

Твою мать, вот ублюдок...

Это не он ублюдок – это я ублюдок. И тупой кретин – мог бы и до этого догадаться. В конце концов, я помотался по Средней Азии и знаю, как это делается.

Фокус, понимаете? Рука в белой перчатке делает отвлекающие пассы, рука в черной проводит сам трюк. Так получилось и тут. На Багдадском центральном вокзале.

Схема простая. В Средней Азии ее используют для проводки крупных партий наркотиков – действительно крупных. Начинаются массовые беспорядки, там это легко, во многих местах отношения так напряжены, что достаточно небольшого инцидента для того, чтобы произошла массовая бойня. Все события в Оше имеют эту подоплеку, там расположен отличный высокогорный аэродром, способный принимать самолеты из Афганистана. Так и тут. Аль-Малик сел в поезд на Багдад – видимо, что-то сорвалось, и другого выхода у него не было. Он знал, что на вокзале его скорее всего опознают, как ни маскируйся – вокзал хорошо прикрыт, там работает система автоматического распознавания лиц, сразу поднимается тревога. Выскочить из поезда он вряд ли сумел бы – возможно, он даже знал о следящем за поездом БПЛА. Оставалось только одно: сознательно сдать курьера, дожждаться, пока мы бросимся его ловить, и в поднявшейся панике выскочить из кольца, растворившись в многомиллионном Багдаде. Теперь его – ищи-свищи, пока он проявится...

Багдад. Русский дом 16 мая

– Аль-Малик...

Совещание собрали в течение получаса. Кто-то примчался из посольства, кто-то был на месте. Генерала Головина не было на месте, совещание вел генерал-майор Станиславский, оперативный псевдоним «Музыкант». Старая закалка, его учили люди, которые еще времена СМЕРШа помнили. Второй раз его вышибли в отставку во времена недоброй памяти Мебельщика – он тогда громил ГРУ, громил изошренно и со вкусом. Сейчас он так до конца и не восстановлен – в активном резерве, что не мешает ему работать в Багдаде. Официально – он прикомандирован к «Газпрому», замначальника службы безопасности. Неофициально – резидент ФСБ в Багдаде.

– Иван Леонидович, он ведь у вас в подчинении был, верно?

Полковник (документы на присвоение генерал-лейтенанта лежат в Москве) Красин, никого не стесняясь, сплевывает на ковровое покрытие.

– С-с-сука... ПопадетсЯ – разорву.

– Сначала – должен попастьсЯ. И попрошу никого не забывать – Аль-Малик нужен нам живым, он многое знает. Через него мы можем получить информацию обо всей террористической сети региона.

Так он и сказал. Впрочем – не мое дело.

– Давай...

На выбеленной стене появляется изображение. Страницы из личного дела.

– Слепцов Иван Константинович, семьдесят восьмого года рождения, русский, уроженец города Ревда Свердловской области. Отец – мастер, затем начальник цеха, затем замдиректора по производству на местном предприятии, мать – врач, хирург.

Окончил школу, аттестат средний, на распределении попал во Внутренние войска, был зачислен в состав триста тридцать пятого отдельного батальона оперативного назначения в Екатеринбурге. Согласно характеристике, упорен, настойчив в достижении цели, в коллективе пытается быть лидером. Отличный спортсмен. Переведен в состав четвертого полка оперативного назначения, подписал пятилетний контракт. Характеристики командования положительные. Командировки – Дагестан, Ингушетия. Досрочно разорвал контракт, работал в Москве на строительных работах. В 2009 году осужден Замоскворецким районным судом к двум годам и шести месяцам лишения свободы за нанесение вреда здоровью средней степени тяжести. Наказание отбывал в ФБУ ИК-2 в Новоульяновске. В 2011 году – УФСБ по Ульяновской области совместно с местным Минюстом вскрыта радикальная исламистская ячейка в колонии, установлен факт наличия в библиотеке колонии и на руках у осужденных литературы экстремистского содержания. Начальник колонии и его заместитель по режиму уволены, уголовное дело в отношении них не возбуждалось за отсутствием состава преступления...

– С... – сказал Красин, раскачиваясь на стуле. – Твари конченные.

...в результате оперативных мероприятий было установлено, что Слепцов, находясь в заключении, принял радикальный ислам и являлся одним из наиболее активных прихожан радикальной секты. На основании полученной информации Слепцов взят на учет как потенциальный участник бандформирований. В 2012 году удалось установить, что Слепцов длительное время участвовал в бандитских и террористических действиях на Кавказе, затем был переброшен в Пакистан для прохождения переподготовки. Удалось установить, что он прошел курс интенсивной религиозной и боевой подготовки в долине Сват.

В 2013 году установлено пребывание Слепцова, известного к тому времени как Аль-Малик аль-Руси, Русский царь, на территории Сирии, в роли амира джамаата. Получил серьезное ранение, лечение проходил в иорданской клинике. Затем вернулся, продолжил боевые действия в составе моджахедов. Неоднократно мелькал на роликах, в том числе и тех, на которых высказывались угрозы России. В 2014 году после подрыва на Красной площади задержанный член террористической группы Муса Ямиев назвал «амира аль-Руси», русского амира, основным организатором теракта. С 2014 года Аль-Малик внесен в список чрезвычайной опасности как лидер террористической группы. В 2015-м, после изменения в законе «О гражданстве», лишен гражданства Российской Федерации и звания «старший сержант внутренней службы». Объявлен в федеральный розыск и розыск по линии Интерпола. Отмечалось его присутствие в Сирии, Ливане, Египте, Пакистане. Лично встречался с Аль-Завахири до момента его ликвидации в 2016-м.

Признан погибшим после удара израильских ВВС по базам террористов в северном Судане – операция «Внезапная гроза». Гибель также подтвердили источники в среде боевиков и сайты радикальных экстремистов. После чего распоряжением директора Службы снят с оперативного контроля. Никаких данных об активности Аль-Малика после указанного периода времени не поступало.

Слепцов – инструктор-снайпер, неоднократный призер соревнований Уральского военного округа по легкой атлетике. Согласно характеристике исправительного заведения, где отбывал наказание, – признанный лидер среди отрицательно настроенного контингента осужденных, агрессивен, расчетлив, занимает активную отрицательную позицию...

– Александр Николаевич!

Я не сразу соображаю, что обращаются ко мне.

– Здесь!

– Да вы сядьте, сядьте. Вы полагаете, что информация, полученная вами об Аль-Малике, соответствует действительности? Ваш источник – насколько он надежен?

Вот и скажи – насколько. Думаете, Станиславский не знает, что у меня с Аmani? Да знает, конечно. Здесь все и за всеми следят.

– Полагаю, что информация, полученная только из одного источника, требует подтверждения.

Генерал благосклонно кивает:

– Источник признаю надежным. К тому же это объясняет произошедшее на вокзале в Багдаде.

– Что предлагаете предпринять?

– Первое – отсмотреть внимательно и с привлечением людей без автоматики все видео с камер наблюдения на вокзале и в районе вокзала. Это – отправная точка. Если мое предположение верно, то там что-то будет. Второе – опросить мухабарратчиков и нацгвардейцев – не видели ли они чего. Третье – просмотреть все камеры с вертолета, возможно, он что-то засек. Обязательно – камеры наблюдения со здания парламента. Пятое – задействовать агентуру. Особое внимание на такси – возможно, они не успели или не рискнули подогнать своего человека.

Вот, черт... Тот козел... Как его звали, не помню... Которого я на вокзале видел. Он же в списках. Он – кого встречал? Курьера или...

Говорить?

– У вас все?

– Никак нет. Шестое – задействовать агентуру среди суннитов. Прибытие джихадиста такого уровня не может остаться незамеченным. Взять под контроль все социальные сети, твиттер, все каналы передачи информации. Возможно, что-то и нароем.

– Полагаете, пока не стоит объявлять Аль-Малика в розыск?

– Полагаю, до подтверждения информации это нецелесообразно. Может еще и спугнуть, если он здесь, – нам надо иметь хоть что-то, прежде чем объявим розыск.

– Хоть что-то... – ворчит Музыкант. – Садитесь. И поработайте поплотнее со своей агентурой. Ясно?

– Так точно...

Ирак. Озеро Тартар

17 мая

А сегодня у нас джума. То есть – пятница. Для мусульман – выходной, здесь в большинстве стран он единственный, потому что работают они в день меньше, чем мы, – по шесть-семь часов. Время молитвы. Для нас – это головная боль, потому что именно в пятницу, в то время, когда все правоверные собираются в мечеть, и происходят всякие эксцессы. Здесь принято, что сразу после пятничного намаза мулла произносит что-то вроде речи по текущей политической ситуации в городе, в стране и в мире. После такой политинформации запросто начинаются погромы с трупами, сожженными машинами, вынесенными лавками и магазинами. Похороны погибших в таких беспорядках часто перерастают в новые беспорядки... И так без конца.

Но меня это никак не касается. Я еду на встречу с агентом...

Машину я беру не в гараже представительства, не посольскую, а из гаража Министерства нефти. Машина – «Мерседес S600» выпуска 2003 года в бронированном варианте, сильно уже поезженная, но ходкая – бронированных машин тут полно, как и «Мерседесов» S-класса самого разного года выпуска. Движок – двенадцатицилиндровый – жрет много, но по местным ценам на топливо совсем недорого обходится, и на этом здесь не экономят. Зато подхватывает дуром с любой скорости, что с пятидесяти, что с двухсот.

Путь мой лежит на озеро Тартар, излюбленное место отдыха иракцев побогаче с тех пор, как потише стало. Дорога до озера идет через Эль-Фаллуджу, потом – через Эр-Рамади. Это смертельно опасное место, так называемый суннитский или стальной треугольник. Сколько американцев тут погибло – не сосчитать... Но так дорога хорошая.

Машин много. При Саддаме бензин дешевле воды стоил, потом пришли американцы и сказали, что так не пойдет, и подняли цены до среднемировых. Это стало одним из поводов для взрыва. А знаете, кто принимал самое непосредственное и, наверное, даже определяющее участие в разработке программы экономического развития постсаддамовского Ирака? Егор Тимурович Гайдар вместе с его приснопамятным институтом, чтоб его. Главным разработчиком программы числился Лешек Бальцерович, еще один крайне либеральный экономист, но он в то время руководил Национальным банком Польши. Много ли у него было времени на разработку программы экономического восстановления Ирака? Вряд ли. А вот Гайдар был свободен, и у него под рукой был целый институт – тем более что он был учеником Бальцеровича. Я совсем не удивлюсь, если к разработке программы приложил руку еще один русский экономический гений – Чубайс. И совсем уж не удивлюсь, если когда-нибудь вскроется, что смерть Гайдара была совсем не случайной и связана как раз с иракскими событиями. Потому что американцев тут встречали с цветами, а через несколько месяцев реформ Гайдара началась гражданская война.

Дальше продолжать не буду. Sapiienti sat – а неумному что ни говори, все не в кассу.

Прохожу Фаллуджу по новенькой объездной. Трасса эта не так загружена, как на севере и на востоке, там то и дело грузовые конвои, не протиснешься. Мимо, в затемненных стеклах, летят бетонные заборы, пальмы, апельсиновые, «культурные» рощи сменяются зарослями, из которых во времена оные запросто можно было получить культурный привет из РПГ. Ирак представляется всем страной пустынь, но на самом деле – пустыни только к западу и к югу, а так – рощи, поля – здесь даже пшеницу выращивают. Чем ближе к северу, тем больше гор. В Курдистане – скорее не горы, а холмы, заросшие деревьями. Раньше деревья сажали одни курды, теперь все иракцы сажают, я даже знаю, где яблоневые сады посажены. Но самый кайф – это апельсиновые и банановые рощи. Для нас, жителей средней полосы России, это просто

дико – зашел и рвешь тропические фрукты, как яблоки с куста. А для иракцев – наоборот, в новинку яблоки, многим очень нравятся...

По дороге к Рамади – ремонт, дорогу расширяют. На всей дорожной технике – бронированные кабины, их уже здесь варят, правда, бронелисты мы поставляем. И Китай. Бронепрокат можно взять у нас, в Израиле, в Китае, в Иране и в Европе. Но Израиль по понятным причинам отпадает, Китай... Странная там металлургия. Вроде с виду нормально, но, например, недавно на партии закупленных китайских защищенных грузовиков кабины просто трещинами пошли, ни с того ни с сего. Европа – дорого. Остается только Россия, тем более что мы реально защищенные машины поставляем, после Чечни и Кавказа вообще знаем, что к чему. Таких здесь полно – с виду обычный «КамАЗ», но кабина – ПК не возьмет.

Проползаем мимо. Иракцы такие же нетерпеливые, как мы, над дорогой какофония сигналов. Ремонтников прикрывает Тигр, автоматический гранатомет нацелен в сторону зарослей, все иракцы – в российских шлемах «Сфера», с новенькими «калашниковыми», воинственно торчат усы. Это не Мухабаррат, скорее всего шестьдесят пятая бригада спецназа, черные береты. Прохожу затор, стрелка спидометра моментально взлетает до ста пятидесяти. Здесь дорога уже расширена, новенькая. Сам Рамади – на горизонте. Зелень и новенькая телевышка, выше минаретов мечетей. На въезде в город – блокпост, тяжелые «Тайфуны» и более легкие «Тигры» спецназа, – но никого не тормозят и даже не осматривают. Сбрасываю скорость. Обьездной у Рамади нет, шоссе идет через центр города, это знаменитая Рут Мичиган, одна из самых опасных дорог той войны, политая американской и иракской кровью. Ее постоянно контролировали снайперы – и все равно на ней из американцев человек тридцать-сорок только погибло. Сейчас снайперов нет, город восстановлен, вон там – знаменитый отель, не знаю, как он называется – американская снайперская группа билась там, попав в окружение. Конвой морской пехоты шел к отелю, чтобы вытащить их, две с чем-то мили за восемнадцать часов. Сейчас почти ничего этого нет – только здоровенные щиты с рекламой над автострадой. Иракна – сотовая связь двадцать первого века. И все-таки здесь беспокойно, вся дорога, проходящая по городу, отгорожена щитами выше человеческого роста, чтобы не стреляли и не перебегали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.